

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дичковская, Е.А. Опыт разработки электронного учебно-методического комплекса по дисциплине «Зарубежная литература» / Е.А. Дичковская // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г.: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: О.И. Уланович (отв.ред.) [и др.]. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2018. – С. 213–219.
2. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля: В 4 т. – М.: ГИС, 1955. – Т. 2. – 779 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 800 с.
4. Августин, А. Исповедь / А. Агустин / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко. Вступит. статья А.А. Столярова. – М.: «Ренессанс», СП ИВО – Сид, 1991. – 488 с.
5. Rousseau, J. Les confessions / J. Rousseau. – Chez François Grasset & Comp., 1782. – 295 p.
6. Gill, J. The Cambridge Introduction to Sylvia Plath / J. Gill. – Cambridge University Press, 2008. – 169 p.
7. The Cambridge Guide to Literature in English / ed.: D. Head. – 3rd ed. – Cambridge University Press, 2006. – 1275 p.
8. Vital Signs: Contemporary American Poetry from the University Presses / ed.: R. Wallace. – Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1989. – 502 p.
9. Price, D.D. Confessional Poetry and Blog Culture in the Age of Autobiography: D.Phil. thesis / D.D. Price. – Tallahassee, Florida: Florida State University, 2010. – 137 p.
10. Beach, C. The Cambridge Introduction to Twentieth-Century American Poetry / C. Beach. – Cambridge University Press, 2003. – P. 154-167.
11. Anne Sexton: Telling the Tale / ed.: Stephen E. Colburn. – Michigan: The University of Michigan Press, 1988. – 480 p.

XVII СТОЛЕТИЕ В БИОГРАФИИ ЛОШИЦЫ ГОРНОСТАЕВСКОЙ И ЕЕ ВЛАДЕЛЬЦЕВ

17TH CENTURY IN THE BIOGRAPHY OF LOSHITSA GORNOSTAJEVSKAYA AND ITS OWNERS

Н.М. Новикова

N.M. Novikova

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: dedal39@mail.ru

XVII век принес немало трагических событий на белорусскую землю и оставил тяжелейшие последствия. В статье рассматривается этот трудный период в жизни князя Григория Друцкого-Горского, старобелорусского аристократа и крупнейшего землевладельца, одного из самых

уважаемых жителей Менска; период, сломавший судьбу старобелорусской фамилии, положивший начало распылению вотчины и гибели славной ветви Всеславичей.

The 17th century brought many tragic events to the Belarusian land and left grave consequences. The article examines this difficult Drutski-Gorsky period in the life of Prince Grigory, an Old Belarusian aristocrat and the largest landowner, one of the most respected residents of Mensk. The period broke the fate of the Old Belarusian family, and initiated the spraying of the fiefdom and the death of the glorious branch of the Vseslavichi.

Ключевые слова: Друцкие-Горские; государственная служба; укрепление вотчины; Лошица Горностаевская; война; рыцарство; казацкие беспорядки; истощение экономики; наследование.

Keywords: Drutski-Gorsky; public service; strengthening the fiefdom; Loshitsa Gornostaevskaya; war; knighthood; cossack riots; economy depletion; inheritance.

XVI век и первую половину XVII столетия историки называют периодом наивысшего хозяйственного развития Беларуси [13, с. 218-222]. В то время Лошица Горностаевская, главное имение князя Фёдора Друцкого-Горского, как и все шляхетские фольварки центральных и западных просторов региона, участвовала в сельскохозяйственном производстве и добросовестно вносила свой вклад в укрепление экономики страны. К этому ряду располагало все – плодородная земля и трудолюбие подданных, выгодное расположение рядом с Менском, крупным торговым центром, удобство водных и сухопутных дорог и, разумеется, неустанная забота владельцев о благополучии, укреплении и приращении вотчины.

Главными направлениями сельского хозяйства были земледелие и животноводство. Продукты их переработки шли на рынок. Поэтому неподалеку от усадебного дома, у самого слияния Лошицы со Свислочью соорудили запруду, построили мельницу и солодовню с броваром, за гостинцем встали стайни и коровники. Выгуливались на лугах кобылицы с жеребятами, на перелесках и перелогах паслись стада коров и овец. Перед домом выросли свирны, сырницы, ледник, за домом шумел сад. Рядом с Менским гостинцем, на холме, появилась корчма.

В фольварочном хозяйстве Лошицы Горностаевской, связанной и водной и сухопутной дорогами с окрестными населенными пунктами, производилась продукция стабильного рыночного спроса. А растущему населению Менска с его расширяющимся ремесленным производством требовалось все больше продовольственных и сельскохозяйственных товаров. Крестьяне сбывали свою продукцию городским купцам, те реализовывали её в лавках, на торгах и ярмарках – все участвовали в развитии внутреннего рынка державы.

Феодалы активно занимались торговым экспортом, вывозили за границу зерно и лес, получая у великого князя освобождение от пошлин. Некоторые вели дела самостоятельно. Но об этой стороне деятельности князя Федора Григорьевича Горского у нас сведений не имеется. Возможно, в торговых делах он прибегал к услугам посредников, поскольку был, прежде всего, рыцарем, а в хозяйственных заботах полагался на помощь своей супруги – княгини Марины (из Вишневецких). А возможно, имел опытного и надежного эконома.

Как бы то ни было, благосостояние князей Друцких-Горских было прочным, не вызывало опасений и, несмотря на нестабильность внутренней и внешнеполитической обстановки, неуклонно укреплялось их стараниями и заботами о вотчине. В то время они были в числе крупнейших владельцев домов и земельных участков Менска, одними из самых уважаемых жителей города [4, с. 45-51].

Благополучие коснулось и жизни их подданных, это отразилось на жилищах. Бессистемные, хаотично организованные крестьянские поселения в то время перестраивались согласно требованию «Уставы на волюки». Лошицкая вёска вытянулась вдоль улицы, стала линейной: с одной стороны дороги выстроились жилые хаты, с другой – хозяйственные постройки. Жизнь Лошицы Горностаевской была, если не безоблачной, то достаточно спокойной и вполне отлаженной.

Новый век принес жестокие испытания и в корне изменил положение.

Все XVII столетие Речь Посполитая почти непрерывно находилась в состоянии войны со своими соседями. На западе державу беспокоили шведы, на юге – крымские татары и турки, на востоке тянулись нескончаемые споры с Москвой за титулы, престолы и владения. Войны велись в разных направлениях, переплетаясь друг с другом, меняя цели и стратегии. Создавались и распадалась союзы держав, территории сменяли свою принадлежность, не насыщая властителей, не удовлетворяя их амбиций. Нерешенность конфликтов вела к новым столкновениям. А победы, одерживаемые в сражениях польскими и белорусско-литовскими силами, не приносили пользы, потому что Речь Посполитую сотрясали внутренние судороги и раздоры – борьба магнатов друг с другом и с королевской властью, насильственное насаждение новой церкви в Великом княжестве Литовском и обострение религиозного антагонизма.

И если в первой половине столетия Речь Посполитая обладала преимуществами в конфликтах с соседними державами, то к середине века ситуация изменилась. Тяжелые дорогостоящие войны истощили экономику, государственная казна опустела. Когда заканчивались деньги,

военные действия прерывались, зато голод и болезни свирепствовали с особой силой.

Авантюрное вмешательство Речи Посполитой во внутреннюю политику Москвы, вызванное желанием использовать нестабильность восточного соседа, превратило Беларусь в плацдарм для интервенции и перетекло в войну. Война затянулась, край наводнили толпы неоплаченных наёмников, грабивших население. Более всего страдали жители пограничного с Москвой Оршанского повета, где были владения Друцких-Горских. В адрес короля раздавались обвинения и требования немедленно прекратить авантюру. Но призывы рыцарства услышаны не были [13, с. 261].

В конце Дмитриады, в 1615 году, князь Федор Григорьевич Друцкий-Горский умер, успев приумножить свое имение под Менском за счет покупки «грунтов и сеножатей обапол реки Свислочь» – с млынами и рыбными ловами. Но вместе с этим приобретением его сын и наследник Григорий-Ежи и его овдовевшая матушка получили многолетний спор с менскими мещанами [9, с. 111; 10, л. 990 об.; 12, л. 732].

После кончины князя семья продолжила расширять границы своих «маетностей» в направлении, им обозначенном. В 1620 году Григорий-Ежи (1595/98-1659) вместе с двоюродным братом Самуэлем Петровичем, войтом менским, завершили борьбу с Глебовичами за Заславскую вотчину, начатую князем Федором еще в 1600 году. И добились судебного решения в свою пользу: «их милостям князем Друцким Горским» досталось «70 волок кгрунту в ымену Жаславском и полтораста чырвонных золотых» [6, с. 96, 115].

Не всегда судебная борьба за расширение вотчинных территорий имела положительный результат. Упомянутый процесс с менским магистратом и мещанами, начатый в том же 1620 году овдовевшей княгиней Мариной Михайловной и ее сыном «за право владения пограничными землями ... и некоторыми плящами в Менске», продлился до 1629 года и закончился поражением – спорное имение досталось городу [6, с. 121].

Тяжбы множились, новые переплетались с существующими. Земельные споры, как правило, начинались непосредственно на пограничных грунтах, переходя в настоящие схватки между землевладельцами с участием их подданных, и получали продолжение в судебных инстанциях.

Процесс 1626 года с Дубровскими коснулся имений Богушевичи и Ганута в Менском повете и Острове в Оршанском повете [6, с. 98]. В 1631 году начался процесс с Александром Гарабурдой, владельцем имения Лапичи; одновременно князь судился и с менским соседом – Юрием Гарабурдой, владельцем имений Свислочь и Задобричи, а также имел

претензии к Войцеху Замайскому, которому принадлежало имение Блужа Подосовье. А многолетний конфликт с Рафалом Слушкой, собственником Нового Двора и ближайшим соседом Григория-Ежи Горского, был начат еще его родителем – князем Фёдором.

Как и отец, Григорий-Ежи не забывал свой фамильный долг сохранения, укрепления и умножения вотчины, нуждавшейся в постоянном внимании. Приходилось быть начеку, отслеживать финансовое положение соседей и состояние приглянувшихся земельных участков, которые, переходя от владельца к владельцу, проделывали порой сложнейший путь, прежде чем попадали в его руки.

Забота об укреплении вотчины выливалась не только в споры с соседями-землевладельцами. Владения расширялись и покупками. 18 декабря 1628 года вдовая княгиня Марина Михайловна и ее сын, Григорий-Ежи, дворянин его княжеской милости, купили у соседа Ивана Тихоновича Корсака, хорунжича менского, и его «малжонки» Анны Фёдоровны Туражанки имение Гатово Корсаковичи с сёлами Корсаковичи, Михановичи и Семёновичи за «тры тысячи коп грошы личбы литовской» [11, лл. 37-40 об.].

Десять месяцев спустя, 27 октября 1629 года, состоялось разграничение между имениями Новый Двор панов Слушков и Гатово Королицевичи, которое ещё князь Фёдор в своё время купил у Анны Масальской Скумины Тышкевичевой. При оформлении акта на продажу имения прежняя владелица сохранила на него доживотное право, то есть возможность пожизненного использования. После её смерти «княгиня Фёдорова Горская и сын её князь Григорий Друцкий-Горский... Гатово Королицевичи до держания своего взяли» и в качестве новых «державцов того имения» составили с соседями Слушками «помярковане прыятельске... и границу копцами осыпали» [11, л. 62-63 об.].

Это приобретение Друцких-Горских прежде было вотчиной князей Крошинских и в 1582 году принадлежало Петру Ивановичу Крошинскому. 14 января 1590 года «имение Гатово, прозываемое Королицевичи», выступает уже как собственность Александра Крошинского [2, с. 116, 361], который и продал его Анне, супруге королевского маршалка Димитра Скумины Тышкевича. В конце 1599 года Гатово Королицевичи было еще собственностью пани маршалковой [11, л. 76-79 об.], а в 1629 году окончательно перешло в руки Друцких-Горских, и они объединили в своем владении гатовскую вотчину Корсаков и Крошинских, разделенную когда-то между этими родственными фамилиями [8, с. 89].

Однако часть Гатова по-прежнему оставалась во владении всё тех же Слушков, которые, кстати, отмечены как владельцы села Гатова ещё в 1567 году [17, с. 498]. В 1590 году эту часть их владений составляли

сёла Гатово с боярами и подданными, Мочулище с одной службой крестьян, Заозерье с двумя службами, Ботчичи, где было семь служб, Моторово с тремя, а также в селе Дукорице одна служба. Имению Слушков Новый Двор, «кроме паробков и бояр», принадлежали село Литвич, «другое село за рекою Свислочь от гумна панского», село Дуничи с двумя службами крестьян и в Коледичах одна служба. Все поименованные владения в январе 1590 года достались в наследство малолетним старостичам кричевским «Миколаю, Криштофу и Александру Миколаевичам, панам Слушкам» от их бабки «Ивановое Слушчиное, старостины Любецкое» [1, с. 355-364].

14 октября 1599 года «дохованные до лят» братья Слушки учинили «дел вечисты... всем имениям своим наследственным... в разных поветах лежачим» [11, л. 83-87 об.]. А в 1629 году в качестве владельцев Нового Двора выступают уже сыновья среднего из них, то есть Миколай-Казимир, Еремиан-Ежи и Рафал Крыштофовичи, воеводичи веденские [11, л. 68-71 об.]. Эти владения панов Слушков нам интересны как территории, непосредственно соседствующие с землями Друцких-Горских и участвующие в процессе земельного перераспределения.

Укреплению вотчины служили и брачные союзы, в которых женщина порой оказывалась разменной монетой. Судьба ее не зависела от желаний сердца, замуж она шла не для любви и счастья, а для объединения земель. Брак был, прежде всего, выгодным союзом, а не любовной историей.

Супругой князя Григория стала Анна Копать – панна из богатого магнатского рода, представители которого с середины XV столетия занимали высокие государственные должности и владели обширными поместьями в разных поветах ВКЛ [19, с. 233]. Их брак, по тем временам довольно поздний (князю было около 30 лет, его невесте 20), оказался счастливым и плодотворным. Но недолгим. Судьба отпустила им всего 17 лет. За это время они произвели на свет пятерых сыновей и двух дочерей. Родовая гордость Григория-Ежи могла быть удовлетворена. Ему было для кого хлопотать и трудиться, сознавая, что род Друцких-Горских не угаснет, и исполнится заветное желание рыцаря – «воевать до старости, а в старости хозяйничать и умножать для внучат достояние» [15, с. 317].

В 1642 году его старшие сыновья, Михал и Стефан, уже покинули родительский дом и совершенствовались в изучении логики, поэтики и риторики на философском факультете Виленской иезуитской академии. Младшие дети наполняли дом звонкими голосами. Семья в радостном предвкушении ожидала рождения седьмого ребенка. Особого беспокойства по этому поводу не испытывали. Княгиня обладала достаточным

опытом, рядом была помощница-повитуха, владевшая навыком необходимых приемов и манипуляций... Но не помогли ни отвары из цвета ржи, ни компрессы из соли и семян льна, ни теплые купели из капустного листа и шелухи лука. Княгиня Анна умерла вместе с младенцем.

Их похоронили в доминиканском монастыре, в новом костеле, который менская шляхта с начала столетия возводила на свои пожертвования. Горожане, чтобы собрать средства на постройку этой святыни, даже ввели специальный налог «с копыта» – «копытковый сбор», взимающийся за проезд каждого коня через городскую заставу.

Высокообразованные монахи-доминиканцы, в то время трудившиеся на землях ВКЛ над искоренением последствий Реформации, свою заботу о душах и образовании шляхты сочетали с активным сакральным строительством, открывшим путь европейскому барокко в белорусское зодчество. Новый менский костел, ставший самым большим храмом города, был освящен в честь самого славного их представителя – философа и проповедника Фомы Аквинского.

Рис. 1. Минск, костел Фомы Аквинского. Реконструкция главного фасада

Трехнефная базилика с купольными каплицами, размещенными симметрично по сторонам главного фасада, вознеслась на пересечении улиц Доминиканской (*Энгельса*) и Волоцкой (*Интернациональная*). Суrowая архитектура костела носила оборонный характер, что было актуально для того времени. Его фасады с бойницами нижнего боя, откуда очень удобно было вести «полковой, подошвенный и мушкетный бой»,

впечатлили московских ратников, ворвавшихся в город 3 июля 1655 года. Интерьер же святыни, как того требовали принципы «сарматского» барокко, контрастировал с внешним рыцарским обликом здания своей пышностью и богатством декоративного оформления, был расписан фресками, включал 13 стюковых и деревянных резных алтарей и чудесный орган на 24 голоса [3, с. 140-142].

В этом-то костеле, слева от входа, в родовой каплице, искусно выполненной по заказу безутешного князя Григория-Ежи и освященной под титулом Святой Троицы, упокоились его княгиня и новорожденный сын Филон [6, с. 136, 138]. Оплакивая супругу, князь не подозревал, что испытания только начинаются.

Готовясь к переходу в мир иной, княгиня Анна завещала менским монахам-доминиканцам 1000 злотых «на еженедельное по субботам отправление святой мши за душу её мосци». Одновременно князь-супруг составил собственное завещание, которым эту сумму, записанную на его имение Лошицу, одобрил, совершив «запис subaktu», то есть включил в поминовение и свою особу [10, л. 829-1009 об.]. Его старшие сыновья, Михал и Стефан, студенты Виленской иезуитской академии, прощаясь с матерью, излили горе утраты и свои «жалобные голоса» в поэтическом панегирике, изданном в Вильне в том же 1642 году [6, с. 136, 162].

Григорий-Ежи прожил без своей княгини еще 17 трудных и горестных лет, наполненных заботами, тревогами, сражениями и потерями. Еще успел до начала казацких беспорядков устроить судьбу старшей дочери, Марины. Она стала монахиней ордена бернардинок, который действовал в Менске с 1630 года и, с фундации ближайшего соседа князей Горских – пана Александра Николаевича Слушки, воеводы трокского и старосты гомельского – располагал немалыми земельными владениями [5, с. 101; 20, с. 188]. Благодаря щедрым пожертвованиям менских феодалов сестры-бернардинки в 1642 году начали в Менске строительство кирпичных корпусов монастыря и костела. А в 1645 году их владения пополнились за счет новой фундации: князь Григорий-Ежи «с доброй воли своей и милости родительской» даровал им в качестве внесения за дочь свою «панной Мариной, в законе святом Бенигной Друцкой-Горской... грунты ... деревни Михоновичи с подданными», отделив их «от маентности своей Королишевичи и Корсаковичи, Гатово также названной» [11, л. 33-36 об., 53-55 об., 88-90 об.].

Его общественная активность вылилась в значительную карьеру. Как отмечают исследователи, он единственный из представителей рода достиг сенаторской должности в Речи Посполитой, начав в качестве посла от Менского воеводства на сейм 1626 года [6, с. 124], и вслед за

отцом, за заслуги перед обществом, в 1631 году был отмечен привилеем на Цельское староство. В 1635 году Григорий-Ежи стал старостой оршанским, а в 1650 году назначен воеводой мстиславским.

Приобретенное в сражениях умение действовать быстро, не рассуждая о моральности принимаемых решений, использовал князь Григорий-Ежи и во внутрисемейной борьбе за фамильное добро, не упуская случая завладеть тем, что было плохо защищено. В 1643 году умер его двоюродный брат Ежи – сын дяди Яна Григорьевича – хорунжий оршанский (1639), староста упитский (1640). Поскольку наследников Ежи Янович не имел, то принадлежавшие ему владения – части имений Орава и Полесье в Оршанском повете – перешли к его родному брату, Стефану Яновичу. Но тот был душевнобольным и состоял под опекой у сестры Альжбеты Яновны и её мужа Яна Ломского. Князь Григорий-Ежи, несогласный с таким распределением фамильных владений, которые уходили к Ломским, то есть, по сути, в другую семью, совершил наезд и этим силовым актом удержал спорную часть вотчины [18, с. 296; 7, с. 46].

Но Ломские, ближайшие родственники умершего Ежи и опекуны Стефана, пожаловались в Менский земский суд, а после – в Главный Литовский Трибунал с требованием вернуть имущество и выплатить деньги за время незаконного владения имениями. Князю пришлось уступить и вернуть Ломским все наследственные документы на имения Ораву, Полесье, Круглое и Друцк (всего 56 единиц) [6, с. 123-124].

Упорно и целеустремленно, не пренебрегая мелочами, собирал владения князь Григорий Федорович. Накапливал, стараясь, если не приумножить, то хотя бы сохранить, удержать былое значение древнего княжеского рода. Задача эта в условиях непрекращавшихся военных конфликтов была невероятно трудна.

Весной 1648 года умер король Владислав IV. После короткого внутреннего мира, завершившего его правление, страну взорвало восстание Богдана Хмельницкого. В казацкие беспорядки на Украине было втянуто и белорусское население. Откликаясь на призывы Хмельницкого, крестьяне и мещане вспоминали обиды – вооружались, кто чем, присоединялись к засланным на Беларусь казацким формированиям и громили имения панов. К осени восстание запорожцев распространилось по всему югу и юго-востоку Беларуси и охватило половину белорусских земель. В ноябре 1648 года и Менск, в котором стояло шляхетское войско, стал одним из центров столкновений, осажденный казаками и повстанцами [16, с. 133-135].

Как отозвались боевые действия в Лошице Горностаевской, оказавшейся в зоне возмущений, неизвестно. Наверно, нашлись и здесь горя-

чие головы, что «показались», соблазненные универсалами украинского гетмана, и пошли крушить хозяйство оршанского старосты, который в это время находился вдали от лошицкой вотчины, обороняя от казацких загонов линию Днепра [6, с. 125-132].

Казна была пуста, и, чтобы справиться с мятежниками, магнаты на собственные средства нанимали отряды немецких, венгерских, шведских всадников и пехотинцев. Благо, этих бойцов после окончания Тридцатилетней войны в Западной Европе было достаточно. Князь Друцкий-Горский, возглавив отряды оршанской, витебской и мстиславской шляхты, выступившей против повстанцев, также укрепил их наемниками.

Рядом с ним сражался его старший сын – двадцатидвухлетний княжич Михал. Несмотря на молодость, это был опытный воин, получивший рыцарское воспитание при дворе своего двоюродного дяди – князя Вишневецкого, знаменитого Ярёмы, богатейшего европейского землевладельца, которому принадлежали 56 городов, местечек, сел и деревень в Украине. Он имел одну из крупнейших магнатских армий Речи Посполитой и в случае необходимости мог выставить до 20 тыс. вооружённых ратников [21]. Под командованием Вишневецкого, славившегося жестокостью к противнику, юный поэт и философ Михал приобрел боевую выучку, участвуя во многих сражениях и походах против татар. Товарищи восхищались его рыцарской доблестью и душевными достоинствами. Князь Горский, вполне полагаясь на воинское искусство сына, уверенно использовал его хоругвь в ответственных боевых операциях [6, с.162].

С августа шляхетские отдели под командованием Друцкого-Горского и Паца стояли лагерем между Старым и Новым Быховом, сдерживая продвижение повстанцев к Могилеву и Орше. А в октябре 1648 года казаки во главе с полковником Кривошапкой, внезапно перейдя Сож, заняли Чериков, город в Оршанском повете, и горожане их поддержали. Отсюда казаки проводили набеги на шляхетские усадьбы Мстиславского воеводства, совершая ужасные погромы и истребляя польское и еврейское население. Получив от магнатов подкрепление, Друцкий-Горский направился к Черикову. Казаков в городе не было, в это время они громили шляхетские имения в Мстиславском повете. Жители Черикова оказали шляхтичам и наемникам упорное сопротивление, но отбить натиск не смогли. Город был взят.

К повстанцам староста оршанский, князь Григорий-Ежи, был беспощаден. Его отряд, овладев мятежным городом, учинил, как сообщают документы, немедленную и жестокую расправу над непокорными жителями: «белорусцев всех посекли» [7, с.46; 16, с. 133-135].

Вскоре после взятия Черикова князь Григорий Горский с сыном Михалом поспешили в Варшаву, где с 6 октября до 19 ноября проходил элекционный сейм, чтобы принять участие в избрании нового короля – Яна Казимира Вазы. Сразу после этого оба рыцаря вернулись к своим отрядам и включились в боевые операции. Освобождали Быхов, Жлобин, разбили укрепленный лагерь повстанцев у Поповой Горы. Преследовали остатки казаков Кривошапки, пытавшиеся укрыться в Стародубе. Освободили Стародуб.

Ян Казимир Ваза оценил заслуги Григория-Ежи в борьбе с казацкими наездами и 27 мая 1650 г. назначил его мстиславским воеводой. Должность оршанского старосты князь передал старшему сыну – Михалу [6, с. 132].

Военные тревоги и должностные обязанности не позволяли сосредоточиться на заботах о фамильной вотчине, которая нуждалась в постоянной защите. На помощь приходили повзрослевшие сыновья. В 1652 году в судебной тяжбе с парновским хорунжим Миньковским по поводу дома в Менске, приобретенного ещё покойной княгиней, Мариной из Вишневецких, от имени отсутствовавшего князя Григория выступал его сын Стефан [6, с. 133].

Трагические события многострадального XVII века ежедневно испытывали рыцарский дух шляхетского сословия. Князь Григорий, который был, прежде всего, воином, воинами воспитал и сыновей. Почти всех их, кроме младшего, Теодора, было суждено ему пережить. В 1651 году потерял Михала, только что избранного депутатом Главного Литовского Трибунала от Оршанского повета, в 1656 – Николая. В том же году в битве со шведами, освобождая Варшаву, погиб Стефан. Никто из них не оставил наследников.

В мае 1654 года пришла новая беда – война с Москвой, спровоцированная восстанием на Украине. На Беларусь вступила объединенная с казаками 100-тысячная царская армия. Ее продвижение было стремительным, а небольшое войско Великого княжества Литовского, не оправившегося от предыдущих потрясений, в это время даже не имело главнокомандующего. Военно-экономический потенциал державы был истощен, городские укрепления пребывали в плачевном состоянии. Боевое счастье улыбалось русским, города сдавались один за другим.

Уже 18 июля армия Трубецкого плотным кольцом обложила Мстиславль. Как отмечают исследователи, мстиславского воеводы Григория Горского в это время в городе не оказалось [6, с. 133]. В замке укрылось множество людей, жители Мстиславского и Смоленского воеводств собрались в крепости со своим имуществом, с документами и приготовились защищаться, рассчитывая на помощь формирований ВКЛ. ДЕРЕ-

ванная городская крепость была усилена глубокими рвами, но имела всего 10 орудий. После четырехдневного ожесточенного сопротивления город, разрушенный артиллерией противника, был взят, защитники его перебиты или захвачены в плен и вывезены в Россию. Как сообщают документы, погибло более 15000 человек.

Летняя кампания следующего года имела целью захват Великого княжества Литовского и ликвидацию его государственности. Поэтому весной 1655-го на Беларуси сконцентрировались главные силы московской армии. Путь центральной группировки от Смоленска через Борисов и Минск лежал на Вильню.

После захвата Борисова полки центральной армии двинулись к Минску, о котором было известно, что силы города невелики, а укрепления слабы. Тем не менее, сдаваться без боя менчуки не желали, и 3 июля небольшое войско встретило неприятеля за пять верст от городских стен.

Бой был жестоким, но коротким, вскоре царские ратники и казаки ворвались в уже покинутый жителями город, где оставались только полторы сотни защитников во главе с войтом Ивашкой Жидовичем, которые «отбивались в замке и некоторых храмах» [14, с. 42]. Надо полагать, одной из таких твердынь стал доминиканский костел на пересечении Волоцкой и Доминиканской, где в родовой каплице покоились княгиня Анна и ее сыновья Филон и Михал.

После захвата Минска, прежде чем двинуться на Вильню, царские ратники, разъяренные упорным сопротивлением населения, почти две недели разоряли окрестности, грабили, уничтожали все живое. Дымилась руины шляхетских усадеб, фольварков и крестьянских хат. Эта участь постигла и лошицкую вотчину князя Горского. Менский повет, по сообщениям московских воевод, был «весь пуст и выжжен» [14, с. 70].

В том же июле 1655-го поляки и та часть Литвы, которую не заняли московские войска, тонули в кровавом шведском «потопе». Магнаты и шляхта Великого княжества были поставлены перед трудным выбором в пользу шведской или российской ориентации. По мнению С.А. Рыбчонка, мстиславский воевода Григорий Горский находился среди тех, кто сохранил верность Речи Посполитой, – в армии витебского воеводы, а позднее великого гетмана ВКЛ, Павла Яна Сапеги, который не признал соглашения Януша Радзивилла со шведами [6, с. 134].

А пока армия Великого княжества Литовского помогала полякам воевать со шведами, белорусам пришлось защищаться своими силами. Все население – крестьяне, мещане и шляхта, независимо от вероисповедания – объединилось с одной целью: изгнать жестокого врага, «пра-

вославнога царя». Толькі ў 1660-м, пасля заключэння Оліўскага міра са Швецыяй, на Беларусь вернуліся дывізіі ВКЛ, і пачалося вытэсненне рускіх войск. Война двінулася на маскоўскія землі. Но князь Грыгорый-Ежы гэтага не ўвядзе. 1659 год стаў апошнім годам жыцця мстислаўскага воеводы. Як пагадаюць даследчыкі, ён памёр летам, і вядома, смерць настала старога рыцара ў Менску, так як горад, дзе была родная капліца Друцкіх-Горскіх, вызвалілі толькі ў ліпені 1660 года [6, с. 135].

Калі скончылася гэта беспощадная кровапролітная вайна, Беларусь не досчиталася больш паловіны сваіх жыхароў. Цэнтр і ўсход краіны абезлюдзілі, палі зараслі лесам і кустарнікам. Уладанні заможных даўнаўшых сям'яў былі спустошаны. Не прыходзіць здзіўляцца таму, што вотчына Друцкіх-Горскіх, старатэльна і заботліва сабіравшаяся на працяжэнні амаль двух стагоддзяў, пасля гэтых страшных падзей не пражыла і двух пакаленняў уладальцаў і без астатка рассялася ў тэчэнне наступных пяцідзяці гадоў.

БІБЛІОГРАФІЧЕСКІЕ ССЫЛКІ

1. Акты Віленскай Археаграфічнай Камісіі. Т. XIV – Вільна, 1887.
2. Акты Віленскай Археаграфічнай Камісіі. Т. XXXVI. – Вільна, 1912.
3. Габрусь, Т. Мураваньня харалы. Сакральная архітэктурна беларускага барока / Т. Габрусь. – Мінск: Ураджай, 2001. – 287 с.
4. Гісторыя Мінска. – Мінск: Навука і тэхніка, 1967. – 686 с.
5. Ілюстраваная храналогія гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 1995. – 221 с.
6. Князі Друцкія-Горскія ў Вялікім Княстве Літоўскім у XV-XVIII стст. / В.У. Галубовіч, С.А. Рыбчонак, А.І. Шаланда. – Мінск: Музей «Замкавы комплекс «Мір», 2016. – 400 с.
7. Kojałowicz W.W. Herbarz rycerstwa Wielkiego Księstwa Litewskiego, tak zwany Compendium / W.W. Kojałowicz. – Kraków, 1897.
8. Насевіч, В. Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага / В. Насевіч // Старонкі гісторыі Беларусі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – С.78-87.
9. Нарбут, А. Генеалогія Беларусі. Вып.2 (XVI-XVIII вв.) / А. Нарбут. – М., 1994.
10. Нацыянальны гісторыка-культурны архіў РБ, ф. 1727, оп.1, д.13, ч.12-14.
11. Нацыянальны гісторыка-культурны архіў РБ, ф.1769, оп.1, д.14.
12. Нацыянальны гісторыка-культурны архіў РБ, ф.1816, оп.1, д.16.
13. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя / Г. Сагановіч. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. – 412 с.
14. Сагановіч, Г. Невядомая вайна 1654-1667 / Г. Сагановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 145 с.
15. Сенкевіч, Г. Крестоносцы / Г. Сенкевіч. – М.: Баян, 1993. – Т.2, с. 317.
16. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 1. – Мінск, 1993.
17. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 2. – Мінск, 1994.

18. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 3. – Мінск, 1996.
19. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 4. – Мінск, 1997.
20. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 5. – Мінск, 1999.
21. Энцыклапедыя. Іеремія. Вишневецкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B5> – Дата доступа: 17.04.2018.

ПСИХОЛОГИЗМ В РОМАНЕ Э. ХИЛИ «НАЙТИ ЭЛИЗАБЕТ»

PSYCHOLOGISM IN E. HEALEY'S NOVEL “ELIZABETH IS MISSING”

Д.О. Половецев¹⁾, А.О. Марцинкевич

D.O. Polovtsev¹⁾, A.O. Martsinkevich

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Belarusian State University, Minsk, Belarus

e-mail: ¹⁾polovtsev@bsu.by

В романе «Найти Элизабет» автор для выражения психологизма использует следующие приемы: ненадежный рассказчик, поток сознания, невербальные выражения, метафоры, ассоциативные названия, раздвоение сюжета и другие. В результате Э. Хили удается создать правдивый и эмоциональный образ пожилого человека, страдающего деменцией, который в спешке пытается разгадать тайны своей жизни.

In the novel “Elizabeth is Missing” the author uses the following techniques to express psychologism: unreliable narrator, stream of consciousness, non-verbal expressions, metaphors, associative names, split plot, and others. As a result, E. Healey manages to create a true and emotional image of an elderly person suffering from dementia who is in a hurry trying to unravel the secrets of her life.

Ключевые слова: Э. Хили; «Найти Элизабет»; психологизм; зарубежная литература.

Keywords: E. Healey; “Elizabeth is Missing”; psychologism; foreign literature.

Роман «Найти Элизабет» был написан современной британской писательницей Э. Хили в 2014 г. Главная героиня (восьмидесятилетняя женщина по имени Мод) страдает от постепенного разрушения памяти, которое прогрессирует по мере развития сюжета. В какой-то момент она находит записку, в которой написано, что ее подруга Элизабет исчезла, и тогда героиня решает ее найти. Это дается ей крайне нелегко, ведь она не может вспомнить, что было даже пару минут назад.

Повествование ведется от первого лица, что позволяет в полной мере прочувствовать эмоции, транслируемые автором через главную героиню. Роман состоит из восемнадцати глав, каждая из которых раз-